

петроглифы, которые датируются раннежелезным веком. Приведем несколько примеров: на плитах Шамирамского кромлеха № 4 высечено 22 кружочка, несколько барельефных фигур животных, солнечный диск, составленный из концентрических кружков и, связанная с ними, сильно стилизованная человеческая фигура (табл. VIII, рис. 3). На лицевой стороне одного из камней кромлеха № 2 та же человеческая фигура помещена между солнечным диском и животным (табл. VIII, рис. 10). Одно из наскальных изображений Большого Пайтасара в точности копирует описанный выше барельеф, с иконографической, стилистической и семантической точек зрения. На нем высечены крупные спирали, кружки, полумесяцы и большая человеческая фигура, целиком повторяющая фигуры из композиций Шамирама.

Составленные из концентрических кружков солнечные диски и сильно стилизованные человеческие фигуры «Шамирамского типа» встречаются и среди иных изображений Гегамских гор (табл. VIII, рис. 8—9). Однако наибольший интерес для наших сопоставлений представляют три рисунка Большого Пайтасара, относящиеся к эпохе ранней и средней бронзы, на которых металлическим орудием высечены штриховые изображения людей и животных в эпоху широкого освоения железа. На одном из них к рогам козла, более древнего изображения добавлены горизонтальные линии, и животное превращено в оленя. Выведением еще одной маленькой человеческой фигуры создана простая сцена охоты (табл. IV, рис. 2). У левой кромки камня, независимо от описанной композиции, добавлены еще три фигуры, относящиеся ко II тыс. до н. э.

Второе изображение относится ко второму тысячелетию и представляет собой весьма интересную сцену охоты с участием загнанных животных, пяти охотников и собак. В компо-

зиции имеются и иероглифические знаки. В верхней части «полотна» добавлены человеческие фигуры «шамирамского типа», и минимально, скупыми «корректурами» древних фигур также получены новые рисунки козлов. На третьем изображении (III тыс. до н. э.) металлическим орудием выведены штриховые рисунки козлов (табл. VIII, рис. 15), вполне сходных с шамирамскими. В некоторых других случаях мы находим полное стилистическое, техническое и композиционное повторение наскальных изображений Большого Пайтасара и барельефов Шамирама (ср. табл. VIII, рис. 10, 13, 14, 15). И здесь, и там полностью выступают комплексы дисковидных кружочков, выведенных на поверхности камней, а также горизонтальные ряды трех-четырех животных.

Сопоставление памятников искусства Шамирама и Большого Пайтасара не оставляет сомнений в аналогичности и закономерности отнесения их к эпохе широкого освоения железа (VII—VI вв. до н. э.).

Как видно по описанию, искусство наскального рисунка в означенный период постепенно изживает себя и вскоре перестает существовать.

Хронологический анализ памятников Гегамских гор показывает, что наскальное искусство Армении процветало в течение, по меньшей мере, пяти тысяч лет—от позднегоолитического (V тыс. до н. э.) времени, до периода раннеармянской культуры. В этом длительном промежутке времени от первобытности до раннего государственного периода, удалось выделить группы изображений, принадлежащих к эпохе неолит-энеолита (V—IV тыс. до н. э.), ранней бронзы (III тыс. до н. э.), средней бронзы (первая половина II тыс. до н. э.) и поздней бронзы (вторая половина II тыс. до н. э.), так же как и раннего железа (первая половина I тыс. до н. э.).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СЮЖЕТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ОХОТНИЧЬИХ СЦЕН

Сюжетное содержание материалов имеет первостепенное значение в интерпретации смысловой нагрузки всего искусства наскального рисунка.

Для понимания его следует учесть прежде всего то обстоятельство, что рисунки делались в целях возвратной симпатической магии. Творцы их верили, что изображая желаемое в рисунке, в танце, в мыслях, в слове, они могут достичь успеха в действительности, при этом веря прежде всего в магическую силу

слова, рисунка и письма. Поэтому рисунки, иероглифы, как и знаки алфавитного письма, считались священными.

Рисунки наших отдаленных предков охватывают все стороны первобытной жизни: прежде всего производственную сферу деятельности—скотоводство и охоту, а также все остальное—производное.

Богатейшие альпийские луга Гегамских гор являлись мощной базой для развития животноводства и охотничьего промысла. Имен-

Но поэтому здесь и встречаются многочисленные скопления наскальных рисунков. Расцвет искусства наскального рисунка связан с окончательным оформлением раннеземледельческого хозяйства и полукочевого формы скотоводства, которые, в свою очередь, вызвали к жизни развитие средств транспорта, игравшего важную роль в освоении альпийских лугов.

Создатели петроглифов Гегамских гор не забыли воспроизвести разнообразные виды повозок III—II тыс. до н. э. Это прежде всего простейшие бесколесные волокуши с треугольным, овальным и прямоугольным настилом. Ими пользовались с неолитических времен (табл. I, рис. 1—3). От них пошло развитие повозок с так называемыми «слепыми колесами» — из массивных кусков дерева. Были двухколесные, легкие открытые арбы, выпряженные в пару волов, и более сложные арбы с боковыми деревянными щитами и задними стойками. Кроме того использовали многочисленные четырехколесные повозки, очень характерные для равнинных земледельческих районов. Образцы повозок, изображенные в петроглифах, имеют аналоги в других изображениях Армении, глиняных моделях из поселений III тыс. до н. э. и в настоящих деревянных повозках Лчашена. Среди последних имеются крытые кибитки, вызванные к жизни развитием отгонного скотоводства. В них спали люди на кочевье. Надо полагать, что для ночевки использовались также войлочные или меховые палатки. Ранние земледельцы — скотоводы Араратской равнины широко использовали в отгонном скотоводстве не только всевозможные виды повозок, но и бычий скот — волов, а позже и лошадей. Об этом свидетельствуют петроглифы. Общинные стада выгонялись на пастбище весной, а достигали вершин Гегамских гор только летом, когда альпийские луга освобождались от покрова снега. Для развития скотоводства здесь были все условия — сочная трава, хороший воздух и родниковая вода. Люди занимались переработкой молочных продуктов, охраняли стада от нападения хищников, и в этой связи охотничий промысел переживал второй свой расцвет. Все свои охотничье-скотоводческие заботы они выражали в «каменных рисунках». В них много одиночных фигур хищных зверей, безоаровых козлов, быков, оленей и других травоядных (табл. 5—14); рисунков стреноженных животных, а также простейших композиций, изображающих либо скрещивание козлов (табл. 11, рис. 2), либо нападение хищников, либо стада, пасущиеся под охраной собак. Изображены, в основном, стада одомашненных животных не только потому, что их охраняют собаки, но и потому, что стада эти состоят чаще всего из различных видов четвероногих (козлы с оленями, быками или ослами), чего не бывает в дикой природе (табл. 13—14).

Как видно из рисунков, сама охота была строго дифференцирована, так как велась в различных целях. Если хищников уничтожали ради спасения стад, то травоядных (быков, коров, козлов, оленей и т. д.) чаще всего ловили голыми руками, веревками, глушили ударом палок, делали загоны, ловушки, капканы, с тем, чтобы поймав их, приручить. Это было верным средством увеличения поголовья. Лук, стрела, копье применялись весьма часто, но только в тех случаях, когда животные шли на убой для пропитания.

Охотничьи сцены раннего периода (V—IV тыс. до н. э.) немногочисленны, немногочисленны, состоят из изображений одного или двух безоаровых крупных козлов (стиль А), которых ловят руками (табл. 16—17). Лишь в одном рисунке, относящемся к этому времени, применяется лук и стрела. В III—II тыс. до н. э. охотничьи сцены сильно усложняются в смысле композиции и количества фигур, а также всевозможных приемов ведения охоты. Описание подобного многообразия в настоящем резюме невозможно. Укажем лишь некоторые сцены, представляющие особый интерес.

Табл. 20, рис. 1. Прекрасная сцена охоты, состоящая из фигур восемнадцати козлов, одного оленя, четырех гепардов, четырех охотников и символических знаков. Фигуры козлов с полукруглыми, высокими рогами, стройными, динамичными корпусами и длинными ногами очень характерны для рисунков середины II тыс. до н. э., однако в верхнем левом углу сцены имеется ромбовидный знак, сходный с возникшим в III тыс. до н. э. вариантом идеограммы «молния». Примитивные, лаконичные фигуры четырех охотников размещены поперек всей композиции — снизу вверх. Первый напустил на козлов трех гепардов, изображенных в стремительном беге, двое находятся в центре — один из них перекрывает дорогу козлу, другой схватился за рог оленя, на которого справа напал четвертый гепард. Охотник, изображенный в верхнем левом углу, находится в окружении нескольких животных и, как будто, ничего не предпринимает. В верхнем углу композиции обозначены кружочки и две геометрические фигуры, значение которых не раскрыто.

Табл. 29. Изображение громадной стаи леопардов или гепардов, окруживших пасущихся слева больших и малых коз. Козочка помещена в правом углу «холста» в окружении четырех хищников. Среди крупных козлов стоит человек с дубиной, который, видимо, преследовал их, но попал в лапы к хищникам. Подобными наскальными рисунками изобилуют также Сюнийские горы. Против хищников встал жестокая борьба и, как мы убедимся ниже, она продолжалась и на протяжении II—I тыс. до н. э.

Табл. 45, рис. 2. Здесь запечатлена весьма

любопытная ситуация (II тыс. до н. э.). Группа охотников из семи человек, преследующая стадо безоаровых козлов, случайно наткнулась на льва, скрывавшегося где-то поблизости и изображенного в момент нападения на это стадо с противоположной стороны. По всей вероятности, охотники, зная, что здесь водятся опасные хищники, собрались в большую группу, вовсе не растерявшись при виде льва. Разбившись на две группы, они действуют хладнокровно и расчетливо. Двое встретили хищника с натянутыми тетивами своих луков, пятеро вместе с собакой окружили маленькую семью козлов. Одного схватили за пожку, на другого накинули петлю, а козленок оказался в засаде. Среди фигур животных и людей размещены символические знаки в виде прямых и кривых линий, углышек и эллипсов, значение которых пока не установлено.

Интереснейшую и довольно обширную группу составляют сцены охоты при участии различных охотничьих богов. Эта группа изображений относится к V—I тыс. до н. э. и рассматривается отдельно в главе, посвященной первобытным богам Армении.

Внимательное изучение наскальных изображений Гегамских гор с учетом данных всех других петроглифов Армении и соответствующих архолого-палеозоологических материалов, позволяет сделать несколько основных выводов, не подлежащих, по всей видимости, дальнейшему пересмотру и имеющих большое значение для толкования вопросов экономики периода развития производящего хозяйства.

Судя по изображениям наиболее ранних петроглифов (V—IV тыс. до н. э.), первыми прирученными животными на территории Армении оказались безоаровые козлы. В сценах петроглифов часто изображаются маленькие стада одомашненных козлов, а среди остеологических материалов неолитических поселений типа Хатунарха—костные остатки этих животных преобладают над всеми другими. Процесс domestikации их начался гораздо раньше (VII—VI тыс. до н. э.), прежде чем нашел отражение в рисунках. Изображения диких туров и в особенности их ловля также относятся к довольно раннему периоду развития наскального искусства, а в неолитических поселениях Закавказья остатки этих животных представлены в большем количестве, по сравнению с остатками овец.

Домestikация диких туров стала возможной лишь в результате относительно высокого развития земледелия, обеспечивающего отходными продуктами кормежку домашних стад в зимних условиях в низменных районах. В условиях Закавказья большую роль играли также зимние пастбища, например, в таких районах, как Мильско-Карабахский, среднее течение реки Аракс, или Ванский оазис и пр. Именно этим объясняется появление больших скоплений петроглифов на берегу Аракса (Нахичевань) и в окрестностях города Ван. По данным архeологии Закавказья, в начале и первой половине III тыс. до н. э. сильно развивается овцеводство, поголовье мелкого рогатого скота преобладает над всеми остальными. Однако изображения этих животных в наскальных рисунках встречаются не так часто. Это объясняется особыми обстоятельствами. Во-первых, тем, что основная масса петроглифов отображает охотничий уклад хозяйства именно в высокогорной альпийской зоне, в местах обиталищ безоарового козла. Дикие муфлоны обитали в более низких зонах, где рисунки довольно редки. Во-вторых, большую роль сыграла, по-видимому, сила традиции. Первобытные художники на протяжении тысячелетий привыкли изображать козлов—красивых, стройных, «вместительных». Традиция так и продолжалась, хотя охота на козлов постепенно отходила на второй план, и поголовье скота увеличивалось все больше и больше за счет размножения именно одомашненных видов.

Так или иначе, колоссальное количество мелкого рогатого скота, изображенного в наскальных рисунках и обнаруженного на поселениях III и последующих тыс. до н. э. в виде костных остатков не оставляет сомнения в высоком развитии скотоводческого хозяйства. Его весьма интенсивное развитие требовало, видимо, невиданного до того расширения масштабов пастбищных зон для летнего и зимнего подножного корма. И наши отдаленные предки, вслед за своими стадами, осваивали все новые и новые территории. Возможно, что именно здесь кроется первопричина наблюдаемой сильной миграции племен Армянского нагорья в III тыс. до н. э. в пределы Передней и Малой Азии, появление их поселений в тех ареалах, которые ранее были заселены представителями совершенно других культур.